

Михаил Петрович Арцыбашев

Мститель

Михаил Арцыбашев

Мститель

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Мститель / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

«Маркиз стоял на крыльце, надевая перчатки и внимательно глядя на лошадь, которую держал под уздцы конюшенный мальчик. Прелестная золотисторыжая кобыла косила круглым черным, налитым кровью глазом, водила ушами и чуть заметно переступала с ноги на ногу, точно пробуя подковы. Мелкая дрожь пробегала по ее тонкой гладкой коже, и влажные ноздри раздувались...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Михаил Петрович Арцыбашев

Мститель

I

Маркиз стоял на крыльце, надевая перчатки и внимательно глядя на лошадь, которую держал под уздцы конюшенный мальчик. Прелестная золотисто-рыжая кобыла косила круглым черным, налитым кровью глазом, водила ушами и чуть заметно переступала с ноги на ногу, точно пробуя подковы. Мелкая дрожь пробегала по ее тонкой гладкой коже, и влажные ноздри раздувались.

Ярко-синее небо с круглыми белыми облаками, свежий порывистый ветер, прилетавший с моря, изумрудно-зеленые газоны и желтые утрамбованные дорожки двора, далекие голубо-розовые горы и тени, ползущие по их солнечным склонам, – все было ярко, резко и красочно.

Сегодня маркиз чувствовал себя именно таким, каким любил быть: точно сбитым из нервов и мускулов, решительным и дерзким. Его гладко выбритое лицо, с черными выпуклыми глазами, характерным носом и правильно очерченными губами над маленьким крутым подбородком, говорило о редкой самоуверенности, доходящей до наглости, до шика. И ему действительно казалось, что все – и солнце, и ветер, и горы, и люди, и животные – все для него, ибо он один, блестящий, элегантный и красивый, достоин всем пользоваться и жить. Он чувствовал себя центром – кумиром женщин и прирожденным господином мужчин.

Все смотрели на маркиза: и лошадь, и конюшенный мальчик, едва сдерживавший ее на месте и невозмутимый, исполненный сознания собственного достоинства лакей, обеими руками державший хлыст, в ожидании, когда господину маркизу будет угодно принять его, и старый садовник с широкополой шляпой перед втянутым животом, и какой-то оборванец в синей блузе, зазевавшийся у каменных ворот на горячем, белом от пыли шоссе.

Но сам маркиз Паоли как будто не замечал никого, смотрел прямо перед собою и методически, не спеша, застегивал перчатку на своей маленькой, но железной руке.

Наконец он, не глядя, протянул руку назад, взял хлыст, мгновенно подскочивший к самым пальцам господина маркиза, неторопливо, слегка подрагивая на крепких ногах, сошел со ступеней и, похлопав ладонью по широкой шее заволновавшейся лошади, одним ловким движением, как бы без всякого усилия, опустился на заскрипевшее новой кожей седло. Конюшенный мальчик проворно отступил шага на два; лошадь дрогнула, рванулась, но, сдержанная привычной и сильной рукой, сейчас же перешла на ровный эластичный шаг и плавно понесла своего изящного всадника по скрипящей гравием дорожке вокруг зеленого газона, к широко открытым воротам виллы.

Слуги провожали его глазами, пока маркиз не скрылся за каменной оградой. Потом все вдруг ожило и зашевелилось. Важный лакей, достав серебряный портсигар, громко щелкнул крышкой и, с наслаждением выпуская дым, оглянулся кругом с таким благосклонным видом, точно только теперь заметил этот прекрасный солнечный день. Конюшенный мальчик вприпрыжку убежал в конюшню. Садовник медленно накрылся своей широкополой шляпой и, мгновенно превратившись в старый сморщенный гриб, кряхтя, вонзил лопату в мягкий дерн. Жизнь пошла своей чередой.

А маркиз шагом ехал по шоссе, изредка машинально потрагивая лошадь поводьями и небрежно оглядывая своими прекрасными наглыми глазами зеленые поля, – синие горы, далекую полосу на горизонте, крыши белых ферм и длинную ленту шоссе, на котором в этот час дня никого не было видно.

Он очень мало думал о цели своей поездки, так как привык, что нужные мысли и слова с быстротой животного инстинкта сами приходят, когда нужны ему. Притом он слишком хорошо знал, что взгляд его и наглых, и нежных, и холодных, и страстных глаз действует на женщин вернее, чем самые продуманные фразы.

Прошло уже больше месяца с того дня, когда, оправданный, благодаря своим связям и громкому имени, он вышел из суда таким же самоуверенным, каким и входил туда. Теперь все эти крикливые судейские, эти решетки, эта потная от давки и жары любопытная толпа, грязные свидетели и прочий сброд, вульгарный и дурно одетый, воображавший, что ему удастся наложить руку на блестящего потомка патрициев, вспоминался маркизу только каким-то скверным сном.

Самое преступление несколько не тяготило его совести, ибо он давно и прочно усвоил себе жестокую и модную, очень удобную для таких баловней судьбы, философию: все позволено!

Портрет убитой им женщины даже висел на видном месте его кабинета, прекрасный, печальный, убранный черным крепом. Это был не то дерзкий вызов, не то красивая романтическая причуда. Маркиз прекрасно знал, что в глазах тех, кто ему был нужен, и главным образом – в глазах женщин, вся эта история только придает его красоте интересный мрачный ореол. Он знал это по тем письмам, которые десятки неизвестных женщин и девушек присылали ему в тюрьму, прося его портрет, предлагая свою любовь, возмущаясь дерзостью вульгарной толпы журналистов, лавочников и мужиков, осмелившихся судить его – непонятого их мещанским душам представителя самой элегантной, изящной, красивой и порочной аристократии.

У него были записаны адреса некоторых из этих корреспонденток, почему-либо показавшихся ему интереснее других, чтобы после всех этих надоедливых хлопот с векселями, продажами, займами и залогами воспользоваться ими для нескольких забавных приключений.

Был, впрочем, один момент, о котором маркиз старался не вспоминать. Это был именно тот момент, когда в номере грязной гостиницы ему пришлось раздевать, перетаскивать и укладывать в соответствующую позу труп убитой, труп отвратительный и грязный, со своими костенеющими членами, выпученными в предсмертной агонии глазами, весь в липкой крови, в которой и он перепачкал себе руки и белье. Самое ужасное в этом было именно то, что все это было страшно грязно и сам маркиз, вдруг ослабевший, бледный, с трясущимися руками и ногами, в одном белье, в крови, был вовсе не красив, а грязен, жалок и неизящен.

Что касается самой убитой, то в конце концов маркиз вспоминал о ней даже с некоторой поэтической грустью: эта бедная Юлия все-таки была прекрасна и любила его!.. Конечно, не его вина, что она не могла понять необходимости разрыва, ввиду представившейся ему выгодной партии. Она сама довела его до рокового исхода своими письмами, приставаниями, угрозами и слезами. Она стала его шокировать, наконец!.. Можно было бы терпеть ее, если бы она, по крайней мере, не оказалась скупа и не вынудила маркиза Паоли нуждаться в какой-нибудь тысяче лир. Она вздумала разыгрывать роль благородной матери своих несчастных детей и не хотела разорять их. По каждому векселю приходилось требовать уплаты со скандалом, с истериками и даже побоями.

Маркиз вдруг вздрогнул и слегка потянулся. Его черные глаза на мгновение затянула какая-то мутная пленка и губы приняли выражение жестокое и сладострастное: он вспомнил, как она была жалка и красива, когда он бил ее вот этим самым хлыстом.

Ему вдруг стало жаль, что она умерла и ее уже нельзя истязать и унижать. Это было так остро, когда избитая, униженная, плачущая женщина все-таки не смела отказать ему в ласках...

«Да, она была интересная женщина! – мелькнула у него мысль, и ноздри его характерного носа чуть-чуть раздулись. – Она была красива, эта бедная Юлия! – подумал он... Она умела отдаваться!.. А какое покорное и молящее выражение было в ее глазах, когда она увидела...»

Маркиз внезапно содрогнулся. Что-то холодное пробежало у него под волосами и по спине. Легкая бледность покрыла синевой щеки. Маркиз со злобой ударил лошадь по шее рукояткой хлыста и поскакал.

Пыль поднялась за сверкающими подковами, ветер зашумел в волосах маркиза, белые прищосейные столбики замелькали мимо, горы быстро понеслись навстречу, и крыша фермы показалась среди кущи запыленных деревьев.

Далеко позади по белой ленте шоссе бежала какая-то синяя человеческая фигурка, но маркиз ее не видел. Не доезжая фермы, он вдруг сдержал лошадь, на секунду задумался и, улыбнувшись одними кончиками губ, свернул на тропинку.

II

На дворе фермы шла обычная, трудная и пыльная работа. Грузные потные крестьяне вилами ворочали солому, таскали мешки и гнули свои широкие спины, промокшие на лопатках. Пахло теплым навозом и молоком. В тени, под навесом колодца, высунув длинный красный язык, лежала большая собака и при виде всадника лениво замахала хвостом.

Маркиз остановил лошадь, приподнялся на стременах и крикнул через забор:

– Эй, вы!..

Несколько грубых и грязных лиц со струйками пота на щеках поднялись над открытыми, черными от загара грудями. Шляпы медленно сползли со спутанных, пересыпанных соломой голов. Ряд недружелюбных любопытных глаз уставился на маркиза внимательно и сумрачно. Никто ему не ответил.

– Дома Лиза? – спросил маркиз, ни к кому, собственно, не обращаясь. – Я хочу напиться молока, – прибавил он небрежно и отвернулся, уверенный, что этого достаточно.

Прошло несколько минут. Те же недружелюбные серьезные глаза смотрели на лошадь и всадника. Большая собака лениво встала, потянулась на всех четырех лапах и подошла к ногам лошади, махая мохнатым хвостом. Лошадь насторожилась, потянула поводья вместе с рукой маркиза и, опустив морду, осторожно стала принюхиваться к новому знакомому. Ноздри ее раздувались и опадали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.